

Будто бы вчерашнего инцидента и не было, Фан Цзыхао по-прежнему окружил Гао Минсюаня заботой. Выходя на перемене в туалет, он непременно прихватывал для него какие-нибудь вкусности и оставлял на парте. В столовой он всегда прорывался вперед, чтобы первым оплатить их обед, а после вечерней самоподготовки неизменно провожал Гао Минсюаня до порога общежития.

Даже если Гао Минсюаня это тяготило и он не раз намекал или говорил прямо: «Тебе не нужно этого делать», — всё было впустую. Говорящий вкладывал смысл, а слушающий пропускал мимо ушей, или, вернее сказать, Фан Цзыхао намеренно притворялся, что не понимает скрытых намеков, продолжая липнуть к нему с видом человека, которому море по колено: мол, и что ты мне сделаешь?

Видя, что все попытки достучаться до него бесполезны, а отношение остается прежним, Гао Минсюань в конце концов сдался. В конце концов, Нин-эр ведь сказала:

— Со временем он сам отступит. Он-то не торопится, а ты чего суетишься?

Если бы он только знал, что этот совет Фан Цзыхао дала та самая Сюй Нин, неизвестно, не разорвал бы он с ней отношения.

С другой стороны, наблюдая, как Гао Минсюань, ничуть не переживая, спокойно принимает заботу Фан Цзыхао, Хань Цзиньюй чувствовал всё нарастающее раздражение.

Однажды после вечерней самоподготовки, вернувшись в общежитие и увидев, что Гао Минсюань уже на месте, Хань Цзиньюй немного подумал, подбирая слова, чтобы его тон и фраза прозвучали как можно естественнее.

— Гао Минсюань, смотрю, Фан Цзыхао в последнее время к тебе очень хорошо относится.

Эти слова заставили Гао Минсюаня почувствовать неловкость. К счастью, он не знал, что Фан Цзыхао в него влюблен, иначе, если бы узнал, что Гао Минсюань принимает знаки внимания, не испытывая ответных чувств, не стал бы Хань Цзиньюй презирать его за это?

При этой мысли он невольно нахмурился:

— Да нет, вовсе... нет, наверное.

Голос звучал явно неуверенно.

— У меня был друг, за которым долго ухаживали, но он не питал ответных чувств. Я считаю, что так поступать плохо: если не любишь, не стоит давать человеку надежду. Что ты об этом думаешь?

Услышав это, Гао Минсюань чуть было не решил, что тот о чем-то догадался. Этот так называемый друг — почему он так похож на него самого? Он решил прощупать почву:

— И... и что же стало с твоим другом?

— О... я... я перестал с ним общаться.

Сказав это, Хань Цзиньюй про себя подумал: «Теперь-то ты должен понять, что я имел в виду?»

— О... понятно...

В ту ночь Гао Минсюань снова страдал от бессонницы. С одной стороны, он не знал, как отвалить Фан Цзыхао, ведь все уговоры были бесполезны — он был в полном отчаянии. С другой стороны, его терзал страх: а что, если однажды Хань Цзиньюй поймет, что он ничем не лучше того друга, и тоже перестанет с ним общаться?

Такого исхода он принять не мог.

Твердо решив держаться от Фан Цзыхао подальше, со следующего дня Гао Минсюань начал избегать встреч с ним. К гостинцам даже не притрагивался, отдавая всё Чжао Цзывэню с задней парты, а когда Хань Цзиньюй вызвался носить ему еду из столовой, с радостью согласился. После уроков он сразу спешил в общежитие.

Через несколько дней Фан Цзыхао не выдержал и снова нашел Сюй Нин, надеясь на совет.

— Не понимаю, почему Сюань-эр так изменился. Я спрашивал, но он молчит.

Сюй Нин лишь развела руками: дети растут, перестают слушаться.

— ...

Изначально она планировала позволить другу самому во всем разбираться, но, видя его подавленное лицо и будучи уверенной, что у Гао Минсюаня и Хань Цзиньюя ничего не выйдет, решила помочь до конца:

— Возможно, тебе стоит зайти со стороны Хань Цзиньюя.

Фан Цзыхао добрался до общежития Хань Цзиньюя только через несколько дней. Ничего не поделаешь: в последнее время Гао Минсюань и Хань Цзиньюй были неразлучны, и единственный шанс поговорить с ним наедине выпал лишь в субботу, когда Гао Минсюань уехал домой.

— Говори прямо. Ты пришел ко мне явно не просто посидеть.

Фан Цзыхао перешел к делу:

— Я люблю Гао Минсюаня. А ты?

Хань Цзиньюй был искренне удивлен тем, что Фан Цзыхао так прямо, без тени стеснения, говорит о своих чувствах к парню. Он-то думал, что Фан Цзыхао не решится проколоть этот пузырь на глазах у посторонних, но, увы, он недооценил соперника.

— ...

Видя, что тот молчит, Фан Цзыхао не стал торопиться, терпеливо ожидая ответа. Наконец, Хань Цзиньюй произнес:

— Ты говоришь, что любишь его, но вы оба парни. Как вы собираетесь быть вместе открыто?

— Ха... — Фан Цзыхао никогда об этом не беспокоился. — Если он захочет быть со мной, мне всё равно, что будет дальше. Я поддерживаю его во всем. Сейчас я хочу знать лишь одно: что ты чувствуешь к нему...

— Да, он мне нравится. — Раз ты не скрываешься, то и мне незачем.

— И что ты собираешься делать? Предлагаешь честную конкуренцию?

— Честную конкуренцию? Ха, с чего ты взял, что достоин соревноваться со мной на равных? — Хань Цзиньюй выразил явное презрение. Он чувствовал, что Гао Минсюань симпатизирует ему.

— Что такое? Стоило один раз занять первое место в классе, как у тебя закружилась голова?

— А что? Если есть порох в пороховницах, попробуй сам занять первое место.

— Тогда давай поспорим.

Хань Цзиньюй вопросительно приподнял бровь.

— Спорим, что на итоговых экзаменах через полтора месяца я стану первым в параллели?

— Ха-ха-ха! Ты? Первым в параллели? — Хань Цзиньюй чуть не рассмеялся в голос. Насколько

он помнил, этот парень даже в десятку лучших в классе не входил, и вдруг такая самоуверенность — первое место в параллели!

<http://bllate.org/book/20010/1974454>